

ДРАМАТИЗМ ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ¹

Теодор Зэлдин,
историк, профессор Оксфордского университета

«Я ни в грош не ставлю моё воспитание и презираю полученное мною образование, — с яростью говорил о своих школьных годах Жан Эффель — самый плодовитый из французских карикатуристов. — У меня никогда не было хороших учителей. Это были скучные люди. Ни один из них не мог сказать, что такое хорошая поэма. Они никогда не объясняли, почему следует изучать то, что они преподавали. Когда я бросил школу, то понял, что они научили меня вещам, которые сами вовсе не понимали». Он не мог простить им того, что его вечно ставили в угол. Поскольку в своё время я тоже преподавал, однажды он подарил мне свою книгу со следующей надписью: «Теодору Зэлдину с симпатией от плохого ученика Жана Эффеля». То, что и через пятьдесят лет человек не забыл о приклеенном ему некогда ярлыке «плохой ученик», очень многое говорит о месте, которое школа занимает в жизни французов. То, что они испытывают к ней, не банальная ненависть, это «любовь, она же — ненависть», ибо Эффель глубоко сожалел о том, что у него не было хороших учителей.

Многочисленные истории, которые повествуют, как «плохой ученик» вопреки школьным законам в конце концов добивается успеха, подчёркивают весь драматизм французской системы образования. Если в основном французы умеют выражать свои мысли с исключительной точностью, а порой и редким изяществом, то в этом, несомненно, отражение вековых интенсивных усилий, предпринимавшихся в области образования. Но на образование французы возлагают столько упований, что очень многие им далеко не удовлетворены.

Французы считают, что полученные знания не должны забываться, образование должно оставить след на всю жизнь. Учёба во Франции очень трудна и требует от детей большого напряжения и долгих часов работы, что справедливо лишь отчасти, — это касается последних классов наиболее престижных и серьёзных лицеев. В среднем школьный день длится с 8.30 до 16.30 с двухчасовым перерывом на обед. По средам занятий не бывает. Учебный год — самый короткий в мире, и, поскольку месяц оставлен на экзамены, в действительности он насчитывает всего 155 дней. Разумеется, есть честолюбивые дети или дети, у которых честолюбивые родители, они и в самом деле работают допоздна, но их меньшинство. Большинство же учеников тратит на домашние задания не больше одного-двух часов в день. В средней школе лишь десятая часть учеников уделяет приготовлению уроков больше двадцати часов в неделю. Жалующихся на трудности удивительно немного². Когда во Франции дети заканчивают школу, они, несомненно, обладают большей суммой знаний, чем американцы, у которых иной тип программ и они навёрстывают упущенное в университетах. Тем не менее в сравнении с другими странами результаты, достигнутые французами в сфере образования, малоубедительны.

1

Зэлдин Т. Всё о французах. М.: Прогресс, 1989. С. 299–326.

2

20% учащихся проводит за уроками до 5 часов в неделю, 30 — от 5 до 10, 33 — от 10 до 20, 1,8% — более 30 часов. — *Прим. автора.*

Особенность французской системы образования состоит в том, что она даёт более сбалансированное общее образование и от учеников, специализирующихся в гуманитарных предметах, требуют также знания математики и других точных наук. В этом отличие Франции от Англии, где в школах поощряется очень ранняя специализация. В то время как в Англии для получения степени бакалавра (то есть аттестата зрелости) достаточно сдать два-три экзамена, во Франции их не менее шести. Наиболее сбалансированной системой обладает Германия, где ученики изучают в равной степени языки, гуманитарные и точные науки.

На самом деле система образования, которая сложилась во Франции, распространяется далеко не на всех. Самым примечательным в классической программе было изучение философии и риторики на последнем этапе обучения. Благодаря этому школу заканчивали высококультурные люди, которым не нужно было идти в университет и учиться излагать свои мысли как письменно, так и устно с особым пониманием систематичности, сводящим самые сложные проблемы к трём пунктам и выводам, и с примесью литературной утонченности, придающей их рассуждениям очарование и изысканность. Однако сегодня философы не в чести. При Жискар д'Эстене правительство предлагало изъять философию из школьных программ. С великим трудом этого удалось избежать. Ныне большинство учащихся вовсе не изучает философии. В выпускных классах те, кто всё ещё продолжает её изучать, ограничиваются чтением одного-двух авторов, а во время экзаменов кое-как отвечают всего на один вопрос.

Возникает вопрос: что же станет с присущим французам искусством аргументации, если риторика, некогда поддерживавшая философию, больше не входит в число школьных предметов? Её методика сохранилась в преподавании французского языка и литературы, в процессе которого ученикам стараются привить уме-

ние анализировать и кратко излагать текст, чётко выразить свою эмоциональную реакцию на прозаическое или поэтическое произведение и главным образом умение написать сочинение, где излагалась бы личная точка зрения и одновременно было показано знакомство с классикой. Тем не менее стремления учителей, борющихся за сохранение традиционных программ и требующих стилистического и орфографического совершенства, заране обречены на провал. Они поражены тем, что люди, считающиеся образованными, не умеют писать грамотно и что Расин непонятен большинству французов. Пропасть, разделяющая письменный и разговорный языки, особенно заметна в эпоху телевидения и телефона. Лишь небольшая часть учителей, считающих себя «новаторами», уверена, что вполне достаточно научить людей понимать газетные статьи и разбираться в современных проблемах, что язык, на котором говорят дети, должен быть взят за основу программы, что следует поощрять непосредственность выражения. Подобные идеи вызвали возмущение, протест. Тем не менее возникает вопрос, насколько традиционное образование с гуманитарным уклоном отвечает нынешним запросам.

Сегодня степень бакалавра получает четвертая часть молодых людей. Стимулы к получению образования теперь иные. Среди 28 разновидностей экзаменов на степень бакалавра, предлагаемых ныне, большинство ориентировано на точные науки и технику. Только 65 тысяч детей (меньше 20%) выбирают литературу и философию (тип «А»), без которых раньше образование считалось неполным. До 1968 года это был самый популярный аттестат. Несколько лет назад вперёд вышли естественные науки (тип «D»). Теперь французская школа одержима математикой, воспринимаемой как ключ к успешной карьере и неперемный элемент образования. Если в Англии и других странах, где отличники мечтают попасть в университет и на них не оказывается никакого давления в выборе предмета изу-

3

27% детей читают менее 550 знаков в минуту (включая интервалы), 46 — от 550 до 820 (гораздо медленнее, чем нормальный темп речи), 26 — от 820 до 1300 знаков, и только 1% умеет читать по-настоящему, то есть свыше 1300 знаков в минуту. — *Прим. автора.*

чения, то во Франции в школах идёт борьба не на жизнь, а на смерть, чтобы попасть в классы, готовящие к экзаменам по математике и физике (тип «С»). И те, кто успешно их заканчивает, считаются элитой. Французские дети имеют то преимущество, что они раньше других начинают ходить в школу. К радости родителей, для малышей от двух до пяти лет существуют детские сады — «материнские школы». Во Франции они многочисленнее, чем в других странах, и считаются гордостью французской системы образования. До последнего времени они редко вызвали критику и детей посылали туда со всё более раннего возраста. Воспитатели рассматривали себя как замену матери, не претендуя на большее. От детей ничего не требовали и, строго говоря, их почти ничему не учили. Однако положение изменилось. Теперь на эти школы возложена миссия «выявлять недостатки развития» начиная с четырёх лет. В этой связи возникают опасения, как бы это не привело к сегрегации на уровне малолеток. Всё больше и больше экспертов — врачей, сотрудников учреждений социального обеспечения, психологов и учителей — принимают участие в составлении досье на каждого ребёнка начиная с трёхлетнего возраста. Каждый ребёнок рискует оказаться «патологическим случаем», требующим особого внимания. В парижском районе 25% детей, посещающих «материнские школы» (иногда называется цифра 44%), были рекомендованы вниманию психоневролога как имеющие те или иные отклонения. Диагноз опровергается крайне редко. Педагоги пытаются переложить ответственность на плечи медиков.

Начальная школа, где дети начинают обязательное обучение в 6 лет, долгое время считалась инструментом подключения масс к овладению культурой. Некогда её почитали как маяк прогресса в море невежественного крестьянства, которое училось в ней говорить и читать по-французски и получало зачатки морали и гражданственности. Ныне эти десятилетиями выработавшиеся традиции преврати-

лись в вериги, потому что начальная школа потеряла свою роль первопроходца. С тех пор как дети, подражая взрослым, слушают радио и смотрят телевизор чаще, чем читают, они находят своих героев не в книгах. Учителя, стараясь не обращать внимания на этистораживающие перемены, разрываются между желанием развивать интеллект своих учеников и сознанием того, что прежние методы преподавания устарели. В то время как по программе все дети должны овладеть чтением, грамматикой и орфографией на среднем уровне, соответствующем 100–110 пунктам коэффициента умственного развития, для очень многих, хотя и не большинства, этот уровень недостижим. «Классы для отстающих» посещают только 11% детей, но и в обычных классах у 20% учащихся этот коэффициент колеблется между 85 и 95. В отличие от большинства других стран, где дети переходят из класса в класс в зависимости от результатов. Таким образом, некоторые ученики, не успевающие по отдельным дисциплинам, сидят в одном и том же классе по нескольку лет. Здесь вместе могут учиться дети 8–13 лет, у которых предполагается один уровень развития. В этом один из главных недостатков существующей во Франции системы образования, но избавиться от него практически невозможно, исключая экспериментальные школы. И вовсе нет уверенности, что по окончании начальной школы все дети могут как следует читать, писать и считать. На самом деле бегло читает только четвертая часть учащихся. Другая четверть кое-как читает по слогам и, чтобы понять их смысл, запинаясь, произносит их вслух. Остальным на чтение страницы требуется не меньше четырёх минут³.

Эти невысокие результаты не являются следствием какого-то метода обучения чтению, потому что такового во Франции не существует. Каждый учитель изобретает собственную систему, руководствуясь своими представлениями, существующими правилами, имеющимися

в его распоряжении учебниками и реакцией детей. Старый, «слоговой» метод, против которого выступал ещё Руссо, полностью не изжит: он сохранился в так называемом «смешанном» методе, сочетающем его с «глобальным» методом, когда отрывок текста читается целиком, а потом в нём постепенно вычлняются слова. Самой популярной книгой для чтения по-прежнему остаётся «Даниель и Валери», о новизне которой можно судить по тому, что её герои живут на ферме и носят сабо. Одни учителя в качестве книги для чтения используют «Красную Шапочку» или «Робинзона Крузо», другие считают, что книги вообще не нужны, у третьих — дети сами составляют материал для чтения, наговаривая его на магнитофон или издавая газету (так называемый «натуральный» метод). В Фонтенбло, устав от бесконечных упреков, преподаватели довольствуются главным образом «традиционным» методом. В Париже в 20-м округе, где большинство учеников — дети иммигрантов, предпочтение отдаётся «натуральному» методу. В Тулузе практически отказались от книг. Официально считается, что лучшим является тот метод, который более всего устраивает учителя. Поэтому многие начинающие учителя предпочитают учебники, чтобы как-то сориентироваться в этом хаосе. Они сетуют на то, что практически не понимают ни новых теорий, ни логопедов и других экспертов по «психомоторике» и «латерализации». Журналиста, исследовавшего применение различных методов обучения в начальной школе, половина учителей не пустила на свои занятия. Кстати, большинство из них считают недопустимым посещение уроков родителями. Таким образом, начальная школа — это своего рода музей, где представлены все типы преподавателей — от поборников самой строгой дисциплины до самых смелых экспериментаторов и тех, кто в своей работе руководствуется только любовью к детям и радостью общения с ними.

Ученикам начальной школы, расположенной на острове Сен-Луи в центре

Парижа, было предложено написать своё мнение о системе образования. В этой школе учителей зовут по именам, они не «преисполнены ответственности», а дети пользуются правом высказываться по всем вопросам более или менее свободно. «Я не люблю школу, — пишет Анна (11 лет). — В той школе, где я училась раньше, мне говорили, что у меня нет способностей и я не научусь читать». «Моя прежняя учительница меня постоянно шлёпала, — рассказывает Сильви (10 лет), — а если я чего-нибудь не понимала, она выставляла меня за дверь... В этой школе мне больше нравится». «На уроках арифметики, — говорит Ален (9 лет), — мы не имели права переспрашивать у товарищей, если нам что-то было непонятно. Учительница старалась рассадить учеников, как только они начинали дружить. Здесь учитель ласковый, он поручает мне всякие интересные вещи. А в той школе ещё меня обзывали евреем». «В моей бывшей школе, — добавляет Патрик (10 лет), — говорили, что у меня плохой характер, и меня постоянно злили». Ученики порой относятся друг к другу строже, чем преподаватели. Во время выборов председателей классных советов и собраний, на которых они обсуждают свои проблемы, дети выдвигают такие обвинения: «Патрик — грубиян и завистник», «Сильви корчит из себя младенца», «Жан-Клод считает, что он лучший в классе и поэтому всегда прав», «А прав всегда Антуан, хоть он шалун и трепач». Что касается учителя, то «он плохо относится к Патрику, Аннизе, Алену и Стефану, но иногда бывает добрым. Он всех поддразнивает. На уроках у него интересно. Он прав, что сердится на Патрика и иногда даёт ему пинка». Во время выборов председателя учитель имеет право на один голос, который обычно он отдаёт тому, у кого есть шансы на победу.

Совсем иное представление о царящей в школах атмосфере можно составить по забастовке учителей в Национальной школе для отстающих в Вильнёв-сюр-Ло. Сюда попадают «отпетые» —

второгодники и плохие ученики, обречённые сидеть в начальной школе до 16 лет, те, кто впоследствии станет садовником, строителем, муниципальным служащим, а чаще всего — безработным. У большинства учителей столь же низкая квалификация, как и у их учеников успеваемость. Они начали бастовать потому, что директор уволил одного из их коллег, во-первых, потому, что тот носил костюм только из чёрной кожи, а во-вторых, потому, что учитель разрешал детям танцевать в полумраке медленные танцы. При школе есть интернат для мальчиков и девочек, но нет уроков по сексуальному воспитанию, поскольку оно не входит в программу начальной школы. Правила запрещают ученикам братья за руки или садиться друг другу на колени. Объяснение простое: «Начинается с этого, а потом они станут валяться на газонах», что, естественно, запрещено. Ученики прозвали директора «Наш псих». Это энергичный человек лет сорока. Учителя про него говорят, что его Библией является свод инструкций и правил, изданных министерством образования, где, по его мнению, есть ответ на любой вопрос. В крайнем случае он звонит инспектору. Один газетчик захотел взять у него интервью, решив, что учителя преувеличивают. Директор принял его крайне любезно, показал ему толстый голубой том и сказал: «Месье, буду краток. Вот сборник правил и инструкций, в котором сказано, что в общении с прессой я должен проявлять определённую сдержанность. Поэтому вы не услышите от меня ни одного слова. Если вы мне не верите, можно позвонить инспектору».

Во время учёбы в школе большинство детей сталкиваются с теми или иными проблемами и часто терпят неудачу. В настоящее время около трети французов старше 46 лет не имеют школьных аттестатов, другая треть имеет лишь свидетельства об окончании начальной школы, которые теперь являются лишь удостоверением об отсутствии способностей. Только 6% этих французов имеют степень ба-

калавра и 4% — университетские дипломы. С тех пор, как обязательное школьное обучение дети должны заканчивать в возрасте 16 лет, дискриминации в системе образования не стало меньше. Успехи учащихся по-прежнему во многом определяются образованностью и социальным статусом их родителей. Миф о равенстве в школе ничего общего с действительностью не имеет. Только половина детей в начальной школе ни разу не остаётся на второй год. В крестьянских семьях на второй год остаются 26% детей, а в семьях «высших кадров» — только 2,2%.

В 60–70-е годы была сделана попытка помочь этим детям наверстать упущенное. Это привело к тому, что их согнали в так называемые «переходные» классы. Преподавание в них велось на очень низком уровне, и только 10% учеников действительно сумели нагнать товарищей. Теоретически все без исключения ученики должны проучиться четыре года в средней школе, однако практически многие учатся не больше двух лет и затем переходят в систему промышленно-технического обучения. Перед теми, кто продолжает учиться в школе, встаёт вопрос о выборе аттестата, его специализации, имеющей разную престижность. Считается, что интересы ребёнка в случае его перехода на техническое обучение защищает получаемая им профессиональная ориентация, служащая более надёжным инструментом отбора, чем обычные экзамены. Те семь докладов, которые представляют учителя и в которых анализируется личность ребёнка, призваны учесть как склонности ученика, так и пожелания его родителей. Но после всех обсуждений решение учителей о дальнейшей судьбе их подопечных основывается главным образом на академических результатах. Лучшая перспектива у тех, кто обнаруживает способности к математике. Остальным приходится довольствоваться чем придётся: подросток, который хотел бы стать поваром, будет специализироваться по столярной части, а девушка, вместо того чтобы работать машинисткой, будет швейей.

Родители, принадлежащие к крупной буржуазии, где особенно развито честолюбие, чаще всего не согласны с подобными рекомендациями (30%). Люди с более низкой подготовкой на это не осмеливаются. Большинство родителей считает, что не способны выбрать подходящую профессию для своих детей. Они хотят только, чтобы дети были счастливы. Дети, лишённые ярко выраженных интересов, с удивительным смирением соглашаются с принятыми за них решениями и довольствуются тем, что извлекают максимум выгоды из сложившейся ситуации. Разумеется, учителя не в состоянии оценить, какая из 350 технических специальностей больше подойдёт данному ученику, а в потребностях экономики они разбираются слабо. Один из учителей говорил мне, что вся эта процедура — «самый настоящий маскарад, на самом деле к детям относятся как к скоту, предназначенному на убой». Учеников распределяют между двумя типами обучения, которые определяют в дальнейшем различный уровень зарплаток, — ускоренными курсами, готовящими работников физического труда, и более продолжительными техническими курсами, выпускающими квалифицированных специалистов. Возможность для поступления в университет дают только лицеи. Девушек готовят к безработному существованию, ориентируя их главным образом на классы с литературным уклоном (в них будет учиться 74% учащихся, тогда как в математических классах — всего одна треть). Единственная специализация, где нет математики, — коммерческий тип диплома «G1». Он считается «отстойником». Из тех, кто попал в классы по обучению управленческим навыкам (тип «G2»), требующим минимума знаний по математике, 40% занимаются против своего желания. Даже в музыкальных классах жалуются на то, что отбор в большей степени зависит от успеваемости по математике и французскому, чем от музыкальных способностей. На примере математических классов (тип «C») особенно видно, что уже в школе начинает действовать сло-

жившаяся система привилегий: 40% обучающихся в них — дети «высших кадров», 25 — «средних» и менее 5% — выходцы из рабочих семей.

Мальчик, который заявил, что хочет получить диплом дворника, не так смешон, как может показаться. Это едва ли не единственная профессия, для овладения которой пока не придуманы специальные курсы. Мания экзаменов и письменных работ приобретает всё больший размах. Ребёнок, у которого есть скромное желание работать в прачечной, должен выбирать между овладением четырьмя специальностями — окраской, подготовительными работами, стиркой и глажением. Не является ли Франция единственной страной в мире, выдающей дипломы по глажению?! И надо ли удивляться, что химчистки гордо именуются «одежными клиниками»? По иронии судьбы большинство предпринимателей не придаёт дипломам никакого значения, и обладание ими вовсе не является гарантией работы. Чем сложнее становятся законы, регламентирующие процесс образования, тем дальше они отрываются от реальности жизни.

Верно, что школа пошла на уступки и стала более демократичной. Дисциплина стала менее строгой и официально заменена «самодисциплиной». Лицей тоже больше не является чем-то средним между семинарией иезуитов и военной казармой. Даже если внешне некоторые школьные здания смахивают на тюрьму, теперь в них на круглогодичном содержании не больше 10% учащихся, и только половина детей завтракает в школе⁴. Демократизация обучения породила множество различных советов. Это школьные советы, включающие представителей учеников и их родителей, советы во главе с классными руководителями, советы учеников, куда каждый класс посылает двух представителей. Официально ни в одной стране школьная демократия не получила такого размаха, однако образование отнюдь не стало делом личного выбора каждого и по-прежнему навязывается извне. Советам не удалось изменить дух учебного

4

Интернаты в большей степени характерны для лицеев (их 15%). В некоторых технических учебных заведениях и на подготовительных курсах «больших школ» этот показатель достигает 20%. — *Прим. автора.*

заведения, а родители чаще поглощены внутренними распрями или политическими разногласиями. Чему, как и в каком возрасте должны учиться дети, по-прежнему определяет всемогущее министерство, которое со столь безумной частотой продолжает менять свои мнения и программы, что учебники на новый учебный год появляются только в самый последний момент.

Почему же родители мирятся с подобным положением? Потому что эта система, подобно лотерее, даёт шанс на выигрыш, хотя большинство выходит в жизнь с дипломами, стоящими немного, а 20% — вообще без свидетельств. Родители и недовольны школой, и одобряют её деятельность одновременно. Они бывают довольны, если их ребёнок прогрессирует в своём развитии, хотя и критикуют школу за то, что она даёт детям много ненужных знаний. Они восхищаются «культурой», которую приобретает их ребёнок, но в то же время говорят, что не понимают систему, от которой они ждут большего внимания к пожеланиям родителей и более строгой дисциплины. Наиболее образованная часть родителей критически относится к деятельности учителей и требует реформ, но большинство удовлетворено существующими традиционными методами. Необеспеченные и менее образованные родители тушуются перед учителями, к которым они относятся как к представителям власти. Их главная забота о том, чтобы правильно заполнить необходимые формуляры и не иметь неприятностей. Некоторые говорят о школе в тех же выражениях, что о своей работе, — надо отбыть положенные восемь часов, допускают оговорки по Фрейду и называют учителей патронами. Они говорят, что слишком устают и слишком заняты, чтобы повидать учителя. Только четвертая часть родителей бывает в школах, где учатся их дети. Когда же они отваживаются на подобное посещение, то часто чувствуют себя униженно, понимая, что изъясняются плохо и допускают много ошибок. «Учителя презирают нас,

потому что мы необразованны». Они не проявляют ни малейшего понимания, когда учителя выговаривают им, что их дети никуда не годятся. Чтобы суметь защитить своего ребёнка, надо уметь разобрататься в его трудностях, а на это способы далеко не все.

Учителя постоянно недовольны. Они жалуются не только на перегруженность, переполненные классы и рост хулиганства в школах, но и на недостаток уважения, инициативы, свободы. Они больше не чувствуют себя в авангарде прогресса, как это было прежде. Всё меньше и меньше мужчин выбирают профессию учителя: в начальной школе 75% преподавателей — женщины, в средней — 61%. Преподавательская работа больше не престижна. В учителя идут в основном девушки и женщины из средней буржуазии, матери семейств, которых привлекают большие отпуска. Наличие разнообразных дипломов как никогда обострило конкуренцию в борьбе за место. И тем не менее фактом является недостаточная квалификация многих преподавателей и их низкая зарплата. Больше половины учителей на соответствующий вопрос ответили, что выбрали профессию не по призванию, а за неимением лучшего. Вместе с тем немало учителей любят свою работу, относятся к ней с душой. Но не всегда эта любовь взаимна или проявляется так, как им хотелось бы. Их положение двойственно: давая обязательные уроки по программе, они принадлежат системе, в то же время в большинстве своём они с ней активно не согласны. Они заявляют, что готовят молодёжь к будущему, но с трудом воспринимают многие аспекты современной жизни. Они считают, что телевидение оказывает на детей пагубное воздействие, и рассматривают его как опасного соперника. Оно насаждает ценности, чуждые большинству учеников.

«В моём лицее, — рассказывал один учитель, — директор подаёт руку людям с университетским дипломом, два пальца — тем, у кого есть диплом учителя средней школы, а всем остальным лишь

рассеянно кивает». Самим учителям, как малым детям, инспекторы выставляют оценки. Учителя крайне ранимы, если речь заходит об уровне их преподавания. Осуждая систему, они опираются на её критерии, потому что не могут договориться об альтернативе. Прийти к единому мнению об образовании, разумеется, невозможно, поэтому старая система продолжает навешивать на детей ярлыки и, распределяя их по классам, принимает решения, от которых зависит их судьба.

Во Франции система высшего образования далеко не так оторвана от действительности, как принято считать. Возможно, что высшие учебные заведения Франции заметно отличаются от своих зарубежных аналогов, но их выпускники во все не представляют собой нечто особенное. Например, при подготовке инженеров англичане, славящиеся своим здравомыслием, делали упор на практическую подготовку, тогда как инженеры-французы пользовались репутацией теоретиков. Возможно, когда-то это было и верно, но в настоящее время английские инженеры обучаются главным образом в университетах, где их специальность квалифицируется как отрасль науки, а потому преподавание имеет куда более теоретический характер, чем во многих других странах. Напротив, абстрактная математическая подготовка, которую получали прежде французские инженеры, теперь дополняется серьёзными практическими знаниями. Ныне инженерное образование по обе стороны Ла-Манша весьма сходно между собой, за исключением того, что во Франции обучение длится дольше, что позволяет студенту глубже изучить свой предмет и приобрести более серьёзные познания в математике. В течение последнего года обучения, когда он специализируется в той или иной области, постепенно всё более важное место в учебном процессе занимают практические занятия.

Французские инженеры считают, что они способны быстрее разрешить ту или иную проблему, чем разобраться в её сути. В свою очередь англичане жалуются

на то, что в университетах из них делают скорее учёных, чем будущих менеджеров. Речь, в сущности, идёт об одном и том же. Действительно, англичане часто всю жизнь так и остаются инженерами, в то время как американец, не ставший к 35 годам менеджером, считает, что упустил свой шанс. В этом отношении французы гораздо ближе к американцам, нежели к англичанам. Существование «больших школ» и те привилегии, которые они обеспечивают своим выпускникам, способствуют тому, чтобы наиболее способные студенты стремились стать инженерами. Во Франции, где ежегодно выпускается примерно такое же количество инженеров, как и в Англии, отбор, несомненно, жёстче. Если британские университеты принимают 30–40% желающих стать инженером и около двух третей из поступающих на факультеты точных наук, то во Франции в целом примерно 10%, а в авиации — всего 1%. Таким образом, инженерное образование доступно только элите — в отличие от США и Японии, выпускающих ежегодно 80 000 дипломированных специалистов (12 000 во Франции). Правда, во Франции этот недостаток отчасти восполняет прекрасная подготовка технических кадров, существующая вне университетов.

Хотя в специалистах в области образования во Франции нет недостатка, в своих работах они не сумели провести серьёзного, убедительного сравнения между результатами собственной деятельности на ниве просвещения и тем, что происходит в остальной части мира. Им так и не удалось развеять некоторые мифы, которые по-прежнему в ходу, но которые не только сегодня, но и вообще никогда не соответствовали действительности. Так, например, считалось, что Англия поддерживает существующую систему классовых различий с помощью закрытых школ, в то время как французские лицеи призваны каждому способному ученику дать возможность достичь вершин науки. При королях лучшие школы Франции, принадлежавшие иезуитам, сознательно

старались сделать из своих учеников «истинных джентльменов», комильфо, которые выделялись бы из массы своими вкусами, манерами, знанием латыни. Лицеи при Наполеоне продолжили эту традицию, открыто формируя элиту. Во Франции до последнего времени людей и со средним образованием было гораздо меньше, чем в Англии, где в школах, эквивалентных французским лицеям, было вдвое больше учащихся. Стипендий там тоже было значительно больше, и у неимущих учеников было больше возможностей перейти из начальной школы в среднюю. Английские закрытые учебные заведения были в прошлом веке, наверное, столь же доступны для нуворишей, как и лицеи во Франции. И хотя в английских интернатах к детям, вероятно, относились с большей суровостью, разница была не так уж велика, ибо во Франции две трети лицеистов обучались в круглогодичных интернатах. Английская система воспитания направляла свои усилия на то, чтобы выработать у ученика характер; лицеи во Франции добивались того же иными путями. Во Франции, однако, пользовались успехом также конфессиональные школы, которые стремились развивать личность учащихся. Разными путями, но культ экзаменов захлестнул обе страны. И там и здесь быстро заметили, что результаты обучения меньше влияют на жизнь ребёнка, чем положение его отца. Поэтому, несмотря на нюансы в атмосфере и серьёзные различия в деталях, контраст между английской и французской системами образования покоится на весьма шатком основании.

Учителей стало так много, что сегодня они образуют своего рода новую армию, с особой манерой мышления и с собственными идеалами. Каждый проходит в этой армии обязательную службу и выходит оттуда, испытав её большее или меньшее вли-

яние, с чувством благодарности или неудовлетворённости. Поскольку преподаватели составляют мощную группу, оказывающую влияние на общественную жизнь, они превратились в мишень для нападков, как некогда церковь. В прошлом их миссия состояла в том, чтобы просветить нацию, сделать её гражданами патриотами. Именно в школе дети учились быть французами. Неуверенность и скептицизм мешают ныне учителям достойно выполнять свою миссию, как в своё время враждебность к церкви угрожала существованию самой религии. Кризис переживает не только система образования во Франции (она всегда была в состоянии кризиса), но образование как таковое. Становится всё очевиднее, что ни одно из возможных решений существующих в нём проблем не сможет удовлетворить всех.

Чтобы составить верное представление об уровне образования француза, нужно не только оценить, хорошие ли у него были учителя и чему они его научили. Надо одновременно учесть, что из полученного в школе он отверг, а что (и это самое главное) узнал сам. В каждом конкретном случае следует разглядеть свою маленькую Французскую революцию. **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Роль инноваций в процессе обучения дирижёров-хоровиков суза и вуза

А.Б. Бараш, певица, преподаватель и соискатель кафедры «Дирижирование академическим хором» ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова

Статья адресована специалистам в области преподавания музыкальных дисциплин. В образовательном процессе сегодня одним из инновационных проявлений, на мой взгляд, является комплексный подход к обучению и как следствие — установление межпредметных связей для создания целостной картины знаний учащихся. Инновационный курс «Методика работы с детским голосом», введённый в нашем колледже, где квалификации студентов подразумевают индивидуальную работу с голосом ребёнка, и его органичная связь с предметами «Постановка голоса» в сузе и вузе — залог решения проблем при работе с детским голосом, с которыми сталкиваются дирижёры-хоровики в начале профессиональной деятельности. Готовится к печати книга, посвящённая методикам работы с детским голосом, и ещё две книги, которые могут использоваться в любой комбинации и автономно студентами нескольких специальностей среднего или высшего звена, и педагогами певческих дисциплин, профессионалами и любителями искусства академического пения.